

«Барышня, Смольный!»

Телефонный звонок застал меня в вагоне метро. Посмотрел на номер. Нет, не знаю, кто это, но человек явно настойчивый. Это был уже второй звонок. Значит, что-то срочное.

- Да, слушаю!

- Это телеканал «78». Вы у нас в «Открытой студии» уже неоднократно выступали. Выручайте.

- В чем вопрос?

- У нас будет дискуссия по 100-летию юбилею революции.

Это тема для меня долгожданная. К данному событию у меня у самого есть вопросы, причем с каждым годом они становятся все более острыми.

- Конечно, приеду. Когда эфир? Какая программа?

- Программа называется «Барышня, Смольный!» Это, когда представители власти отвечают на самые острые вопросы горожан.

- Но я вовсе не власть.

- В том-то и дело. Обещал приехать председатель комитета по туризму, но градоначальник его задержал. Займите его кресло на час.

- Но я к туризму совсем дела не имею.

- Но про революцию готовы говорить?

- Это да. Еду.

Вот такой случился диалог. По дороге вспомнился веселый случай на одном из петербургских телеканалов, когда меня так же внезапно пригласили к выступлению. Потом оказалось, что просто перепутали с другим человеком. Помню: попросили высказать мнение о водном фонтане, установленном прямо на Неве у Стрелки Васильевского острова. Многим это не понравилось, мне тоже. Подумал тогда: «Ну, просят, ради бога. Выскажу свое мнение». Приехал, меня гримируют, до эфира остается минут десять. Вдруг дверь в гримерную распахивается, вбегают женщина-редактор с растрепанными волосами. На лице ужас.

- Где Лебедев?

Показывают на меня. Женщина, не обращая внимания, кричит:

- Вот-вот эфир, а Лебедев срывает передачу.

Тут я не выдерживаю, и представляюсь.

- Нет, это не тот, - продолжает бушевать женщина-редактор. - Должен быть представитель Водоканала. А Вы кто? - Когда до нее доходит, что я даю интервью исключительно по проблемам военной истории, она приходит окончательно в ужас.

-Что делать? - повторяет, несколько раз. Потом с надеждой смотрит на меня

- Вы давно живете в Петербурге?

- Всю жизнь.

- Какое мнение у вас о данном фонтане?

- Самое отрицательное.

Вижу, лицо разгладилось. Видимо, наши взгляды совпадают.

- Можете поделиться своим мнением?

- Запросто.

После передачи она искренне поблагодарила меня. Я тоже получил удовлетворение.

- Интересно, а что будет сейчас? - продолжал размышлять я. - Почему такое странное название «Барышня, Смольный»?

Мысли продолжали одолевать. Да, это же то, о чем я давно хотел рассказать. Мою бабушку до революции называли «Смолянкой». Принимали за выпускницу Смольного института благородных девиц. Наверное, это увидел и мой дед, дворянин польского происхождения. Оба они совсем не приветствовали революцию. Теперь представлялась хорошая возможность поделиться своим наболевшим мнением. -

В студии меня представили еще двум участникам. Одного я знал: Илья Стогов был членом нашей секции в Союзе писателей Санкт-Петербурга. Мы с ним, правда, до этого, в основном, касались темы футбола. Мнения совпадали. «Наверное, и здесь найдём общим язык», - подумал я. Оказалось, совсем не так. Но об этом позже. А третьим участником был совсем молодой человек, с добрым, интеллигентным лицом. - Павел Котляр, историк, - представился он.

Ведущая, Инна Карпушина, быстро ввела нас в тему:

- Будем говорить о брендах революции, соотносить их с сегодняшними сувенирами для туристов.

Я возражать не стал, но подумал, что все же постараюсь говорить о другом, о том, что накопело. Не хочу больше никаких революций, дайте, наконец, спокойно пожить в мои 65 лет. Мы, трое в студии, были как будто по какому-то необычному заказу собраны: представители трех поколений, с разницей в 20-40 лет. Я самый старый, как Мафусаил, затем Илья Стогов, младше меня на 20 лет, а Павел его младше на те же 20 лет. Картина еще та: от бабушки к внуку.

- Интересно, как пойдет наша беседа? - думал я.

Все получилось по принципу «Лучше не придумаешь!» После передачи даже операторы одобрительно нам кивали. Был живой диалог между мною и Ильей Стоговым. Самый младший из нас, Павел Котляр, оказался как будто самым старшим. Как знаток истории царского периода, он мирил нас, задиристых драчунов, своими вразумительными рассуждениями.

Так получилось, что мы отличались не только возрастной разницей, но и социальным положением применительно к нашим предкам. Меня Илья Стогов тут же окрестил богатеем, себя назвал бедняком, ну, а Павел представился разночинцем. Так мы и шли по ходу всей передачи.

Илья яростно защищал революцию. Я возражал ему, Павел нас примирял. Вроде бы мог случиться конфликт. Но его не было, и как я понял: и не могло быть. В Москве, там даже до драки доходит в таких телевизионных баталиях. Я зимой выступал там в телешоу «Время покажет». Так чуть не схлопотал. Потом, правда, заметку об этом написал. Даже Гранину понравилась, особенно моя фраза, адресованная участникам и организатором: «Весна покажет, кто и где гадил». Больше они меня не приглашали, и, думаю, не пригласят. Наша культурная столица, видимо, все же не позволяет нам опускаться до оскорблений. Приятно, что в том же Стогове я увидел доброго человека, хотя и с достаточно резкими для меня взглядами, но не переходящего границы культурного общения. Всегда приветствую такую интонацию.

Не буду пересказывать все то, о чем мы говорили.

В двух словах. Мы выразили общее мнение, что после революции социальные слои перемешались. К примеру, мой отец был из пензенских крестьян, гордившийся тем, что в Гражданскую войну бил «белых». Я все же сказал о своей бабушке, адресовав ей название программы «Барышня, Смольный», но вложив в него другое понимание. Озвучил не как обращение к телефонистке во времена революции, когда звонили в штаб, где находился Ленин. Для меня «барышней» была Антонина Ивановна Ивановская, в то время учительница музыки. Сам Смольный продолжал оставаться дореволюционным Институтом благородных девиц. Бабушка, интеллигент и умница, никогда после 1917 года не улыбалась, не могла забыть, как пришли в 1934 году забирать ее мужа-поляка, дворянина и сына действительного статского советника. Ей сказали, что ему еще повезло, что он скончался за два года до

Первая учительница музыки
Антонина Ивановна

ареста, а то бы помучился перед расстрелом.

Рассказал я на широкую телевизионную аудиторию и анекдот про революцию. «Сидит у окна княгиня Волконская, внучка декабриста. Слышит шум на улице. Велит горничной узнать, в чем дело? Та возвращается и восклицает:

-Революция!

- А чего желают эти люди? – интересуется барыня.

- Хотят, чтобы не было богатых.

- Как странно! - удивляется Волконская. - Мой дед, мечтал, чтобы не было бедных».

В конце я сыграл козырной картой. Привел слова президента России Путина, который назвал революцию «взрывом». Дословно он сказал (я точно запомнил его слова): «Революция взорвала мир!». По интонации я понял, что он совсем не одобряет такого развития событий. Да и 80 процентов, голосующих сейчас за Путина, тоже явно хотят эволюционного, плавного развития жизни в России. Хватит уж на наш век сотрясений.

Мне представляется, это было неплохой концовкой нашей телевизионной дискуссии.

Юрий Лебедев,
Член союза писателей СПб
октябрь 2017 года.